

Долгое существование на цивилизационном разломе неизбежно приводит к тому, что четкий выбор одного из векторов развития грозит определенной степени общественным расколом. Он может фиксироваться по географической линии (восток — запад), демографической (старые — молодые), урбанистической (деревня — город), генеалогической, степени образованности, социального статуса и так далее.

Географический подход более выражен в Украине, остальные — в странах Балтии, хотя в целом каждый из них характерен для южных и северных соседей Беларуси.

При этом советская травма народов — которую не только не забыли, но и как раз активно вспоминают и осмысливают (что само по себе правильно) — зачастую приводит к различным перекосам при осуществлении десоветизации (дерусификации). Многие из них противоречат духу Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств, Европейской хартии региональных языков и других международных документов. Самый характерный пример — так называемые «неграждане Латвии».

Как показывает опыт стран Балтии, даже по прошествии нескольких десятилетий после такого цивилизационного выбора эти проблемы могут сохранять свою остроту.

Однозначных ориентиров нет

Таким образом, можно сделать вывод, что не существует каких-то несомненно успешных региональных практик, которые могли бы выступить безусловным образцом, по построению культурной политики в условиях цивилизационного разлома.

При этом важно отметить, что само по себе профессиональное и эффективное конструирование культурной политики вполне возможно. Более успешными кейсами здесь представляются Евросоюз и его страны (включая страны Балтии), менее успешными — Украина и Россия. Однако нельзя уверенно сказать, что где-либо вокруг Беларуси действует полностью успешная культурная политика, решающая специфические проблемы стран нашего региона (как минимум в краткосрочной и среднесрочной перспективе).

Какой-либо иной мировой опыт также нельзя применить к белорусской ситуации. В отличие от законов физики или экономики, которые универсальны во всех уголках планеты, культурная ситуация крайне специфична.

Следовательно, Беларуси предстоит самостоятельно искать ответы на возникающие перед ней в данной ситуации вопросы, реагировать на потенциальные риски и решать возникающие в процессе всего этого проблемы.

Из-за отсутствия применимого и однозначно успешного мирового опыта, никакому потенциальному решению о культурной политике Беларуси в данном контексте нельзя заранее гарантировать эффективность и высокую результативность. Опыт в этой сфере будет появляться (и появляется) на наших глазах.

Л.И. Копач, магистр философии, аспирант
УО «Белорусский государственный университет»

БЕЛОРУССКИЕ ТАТАРЫ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII — НАЧ. XX ВВ.)

В конце XVIII в. территории Беларуси, в результате трех разделов Речи Посполитой, были присоединены к Российской Империи. Царское правительство по-разному относилось к исламу, в зависимости от политической обстановки.

30 октября 1794 г. в именном указе Екатерина II пообещала татарам, «что не только оставляет их в свободе отправлять свое богослужение и при всем том, что в Литве они имеют, но желаем обеспечить их состояние»³⁹².

Документы Национального архива Беларуси свидетельствуют о том, что под контролем российских властей находились такие важные вопросы в жизни верующих мусульман, как строительство новых и ремонт старых мечетей, выборы имамов, конфликтные ситуации в общинах. Эти и другие вопросы должны были решаться с санкции государственных властей, порой на самом высоком уровне. Например, вопрос о подчинении местных мусульман высшему конфессиональному органу решался несколько раз. В 1803 г. татары западных губерний отказались подчиниться оренбургскому муфтию, мотивируя свое несогласие привилегированным положением, которое было даровано татарам польскими королями³⁹³.

Известно, что татары Речи Посполитой в течение нескольких столетий сохраняли экономические, культурные и конфессиональные связи с Крымом и Турцией, признавая до конца XVIII в. духовную власть над собой турецкого султана как халифа всех мусульман. Чтобы уменьшить влияние Османской империи на своих бывших подданных, на завоеванной Российской империей в 1783 г. территории Крымского ханства основывается муфтият. Позже он был преобразован в Таврическое магометанское духовное управление, действовавшее до закрытия в 1925 г. Татары западных губерний России не сразу подчинились крымскому муфтию. Долгое время у них было самостоятельное управление. Это произошло только в 1831 г. в связи с общими преобразованиями в крае, связанными с восстанием 1830-1831 гг.³⁹⁴.

Мусульмане западных губерний никогда не имели своих представителей в Духовном правлении и обращались туда исключительно для утверждения выписок из метрических книг, утверждения кандидатов на должности муллы и его заместителей, иногда по финансовым вопросам, например, за разрешением собирать пожертвования на ремонт и строительство мечетей³⁹⁵.

В Национальном архиве РБ хранится циркулярное письмо Департамента государственного хозяйства и общественных построек Министерства внутренних дел Российской империи от 31 мая 1829 г. «О правилах постройки татарских мечетей». Причиной появления циркуляра было, как доносил в 1828 г. Пензенский гражданский губернатор, то, что «в некоторых татарских деревнях Саранского уезда начато строение мечетей посреди улиц, самопроизвольно и безобразно, и что число их умножается большей частью безо всякой нужды, и более по наущению татар, ищущих звания мулл и имамов». Поэтому в циркуляре подчеркивалось, что в дальнейшем дело строительства мечетей должно быть санкционировано соответствующими губернскими властями: «Магометане не могут их строить произвольно и должны иметь позволение от губернского начальства, и что на мечети может быть распространен Высочайший Указ 13 декабря 1817 г. об устройстве деревень, коим не позволено заводить церквей иначе, как на площадях»³⁹⁶.

С указом 1756 г. соотносились и другие законы Российской империи, которые следовало исполнять при строительстве новых мечетей, «независимо от числа душ».

³⁹² Канфесіі на Беларусі (к. XVIII — XX ст.) // В.В. Грыгор'ева [і інш.]; пад агульн. рэд. У. І. Навіцкага. — Мн.: ВП «Экаперспектыва», 1998. — С. 33.

³⁹³ Наш родовод: Сборник трудов Гродненской международной научно-исторической конференции. — Гродно, 1992. — С. 43.

³⁹⁴ Думін С., Канапацкі І. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць / С. Думін, І. Канапацкі. — Мн.: Палымя, 1993. — С. 14.

³⁹⁵ Канапацкі І. Б. Іслам у Беларусі / І. Б. Канапацкі // Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь: Сборник документов и материалов / Авт.-сост. М. В. Цвилик; Под ред. В. И. Новицкого. — Мн.: Издательство «Четыре четверти», 2005. — С. 267-279.

³⁹⁶ Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. — 1917 г.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Казань: Институт истории АН РТ, 2006. — С. 38.

Строительство мечетей допускалось там, «где нет никакого препятствия в оном по собранным сведениям в рассуждении христиан русских или новокрещенных татар. Главное управление иностранных исповеданий не допускает из виду сих указов для охранения христиан и крещеных татар от соблазна в вере». Но «губернское начальство при исполнении оных законов должно, однако же, принимать в соображение и объявленное в Указе 29 мая 1773 г. Высочайшее повеление о терпимости охраняющее богослужение всех вер России. По Указу 8 апреля 1801 г. губернское начальство сверх правил его обязанность определяющих, должно сноситься с Магометанским духовным собранием для соображения с мусульманским законом при строении мечетей наблюдаемым»³⁹⁷.

Позже все требования по поводу строительства мечетей были объединены в «Уставе строительном» (1857). В нем имеется отдельный раздел, который так и называется «О построении магометанских мечетей». Согласно статьям 260-265 устава, мечети разрешалось строить «не иначе, как по представлениям от приходов и приходских чинов магометанскому духовному начальству... и с утверждением начальства губернского» (статья 260); построить мечеть могли только те общины, где было не менее чем 200 мужчин-мусульман, а мечеть и мулла находились на содержании у общины (статья 261); проекты зданий должны были утверждаться местными губернскими правлениями (статья 264)³⁹⁸.

Существовала также жесткая бюрократическая опека и контроль над выборами имамов в мусульманских общинах. По указу от 14 декабря 1837 г. избрание мулл и других мусульманских лиц в приходах должно было происходить по желанию не менее двух третей прихожан, которые считались старейшинами семейств. В выборах не должны были участвовать лица, не принадлежавшие к избирающему обществу, а также младшие члены семейства (сыновья, живущие вместе с родителями, самые младшие братья, племянники и т.д.). Решения общины об избрании имама, принятые голосованием, должны были подписать у местных властей, представить в Таврическое духовное правление, которое потом за окончательным утверждением обращалось в губернское правление.

В марте 1851 г. Минскому гражданскому губернатору был прислан приказ Виленского генерал-губернатора об исполнении утвержденного Николаем I Постановления Государственного совета от 8 января 1851 г. о порядке избрания духовных лиц мусульманских общин западных губерний Российской Империи. Кандидаты на эти должности выдвигались на собраниях верующих и потом рассматривались уездными и губернскими властями, досконально изучавшими все сведения об их поведении, лояльности монарху и государству. Кроме того, они должны были быть признаны способными к выполнению своих обязанностей Таврическим магометанским духовным правлением. Последнее слово оставалось за губернским правлением, где принималось окончательное решение об утверждении того или иного претендента. Если имам был избран из представителей податливых сословий, то он освобождался от соответствующих налогов и повинностей, пока находился на этой должности. В западных губерниях на протяжении XIX в. все муллы были из дворянского сословия. Они находились на содержании своих прихожан³⁹⁹.

Несмотря на то, что часть татар-мусульман западных губерний принимала участие в войне 1812 г. на стороне Наполеона, в восстаниях 1830 и 1863 гг., отношение

³⁹⁷ Канфесіі на Беларусі (к. XVIII — XX ст.) // В.В. Грыгор'ева [і інш.]; пад агульн. рэд. У. І. Навіцкага. — Мн.: ВП «Экаперспектыва», 1998. — С. 33.

³⁹⁸ Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. — 1917 г.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Казань: Институт истории АН РТ, 2006. — 312 с.

³⁹⁹ Канапацкі, І. Б. Іслам у Беларусі / І. Б. Канапацкі // Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь: Сборник документов и материалов / Авт.-сост. М. В. Цвилик; под ред. В. И. Новицкого. — Мн.: Издательство «Четыре четверти», 2005. — С. 267-279.

к ним со стороны правительства было достаточно снисходительным. Указом от 25 июня 1840 г. дворянам-мусульманам этих губерний было разрешено иметь имения, владеть крепостными крестьянами-христианами. Во всей империи это было запрещено дворянам-нехристианам.

Несмотря на усиление политики русификации в белорусско-литовских губерниях после подавления восстания 1863 г., царское правительство позволяло мусульманам приобретать землю, занимать разные должности, работать в полиции, а в некоторых случаях, из-за трезвости мусульман, им отдавали предпочтение при занятии должностей и перед православными⁴⁰⁰.

Количество татарского населения Беларуси в течение XIX в. увеличивалось. Если в 1853 г. в западных губерниях татар было 3 537 человек, то по переписи 1897 г. — 13 877.

На протяжении XIX — нач. XX вв. происходил переход из одной конфессии в другую. Легче всего было перейти в православие. Единичные случаи таких переходов наблюдались и среди татар. По сведениям чиновника по особым поручениям, в Новогрудке в 1844-1852 гг. в доминиканском заштатном монастыре было крещено шесть татарок-мусульманок. Они приняли эту веру добровольно и с разрешения министра внутренних дел, о чем представил документы новогрудский декан Эйсмонт. Татары-мусульмане исключали из своего общения тех, кто менял свою веру, хотя по шариату за это положена смерть.

Таким образом, есть основание говорить о наличии разветвленной системы бюрократической опеки со стороны российских властей за деятельностью мусульманских общин. Тем не менее, это помогало самим общинам сохранить свои этнические и конфессиональные особенности.

Протоиерей Александр Пронин, магистрант

Минской духовной академии имени святителя Кирилла Туровского

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕНИЯ О ТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В ХРИСТИАНСТВЕ И ИСЛАМЕ

Для целостного восприятия той или иной религии важно не только знать историю религии, ее догматическое учение, возникновение и значение обрядов, праздников, ритуалов, постов, таинств, но и учение о самом человеке. Не зная, какое место занимает человек в иерархии религиозных ценностей или как выстраиваются отношения между человеком и Богом, трудно сформировать полное представление о любой изучаемой религии.

Поэтому теологическая и религиозная антропология, как наука, которая «рассматривает сущность человека с религиозно-божественной позиции»⁴⁰¹, необходима для того, чтобы иметь объективную картину о той или иной религии и самом человеке в этой религии.

Изучая ислам, нельзя обойти такую важную сторону этой религии как учение о человеке. Увеличение количества последователей ислама происходит быстрыми темпами не только за счет высокой рождаемости, характерной для мусульманских семей, но и благодаря активной работе миссионеров в странах с традиционным христианским мировоззрением. На фоне утраты традиционных моральных ценностей в этих странах ислам предлагает простое, доступное учение о Боге и человеке.

⁴⁰⁰ Думін С., Канапацкі І. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць / С. Думін, І. Канапацкі. — Мн.: Польша, 1993. — 206 с.

⁴⁰¹ Столяренко В.Е., Столяренко Л.Д. Антропология — системная наука о человеке. — Ростов-на-Дону, 2004. — С.3.